

УДК / UDC 340.12 : 321.01 «652»
DOI: 10.35231/18136230_2021_4_70

Понимание государства в политических учениях Древнего мира: от культуры храма к культуре полиса*

Р. А. Ромашов¹, В. А. Ковалев²

*¹Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

*²Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Во вводной части работы ставится проблема соотношения философского мировоззрения, свойственного исторической эпохе определенного цикла исторического развития, и представлений о государстве через базовые философские понятия и идеи.

В основной части работы проводится сравнительный анализ государственно-правовых систем Древнего мира и Античности с позиций базовых философских категорий мировосприятия, таких как пространство и время, причинность, целеполагание, чистые типы власти. Демонстрируются как концептуальный переход между двумя системами, так и их взаимопроникновение, подчеркивающее стадиальную преемственность.

В заключение приводятся выводы исследования, согласно которым общественное сознание каждой конкретно-исторической эпохи просеивает имеющийся набор мировоззренческих образов, формируя свойственную эпохе государственно-правовую структуру.

Ключевые слова: история государственно-правовых идей; древнее государство; храмовое государство; государство и право Древней Греции; полисное государство; юридическая антропология.

Для цитирования: Ромашов Р.А., Ковалев В.А. Понимание государства в политических учениях Древнего мира: от культуры храма к культуре полиса // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 4 (66). С. 70–85. DOI 10.35231/18136230_2021_4_70

Idea of the State in political thoughts of the Ancient World: culture evolution from the temple to the polis*

Roman A. Romashov¹, Victor A. Kovalev²

¹*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

²*Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

In the introductory part of the work, the authors made a hypothesis of correlation between philosophical worldview peculiar to the historical epoch of a certain cycle of historical development and the state images through basic philosophical concepts and ideas.

In the main part of the work the authors perform comparative analysis of state-legal systems of the Ancient world and the Antiquity from the standpoint of basic worldview's philosophical categories, such as space and time, causality, teleology and clear types of authority. The conceptual transition between the two systems is demonstrated, as well as their interpenetration with an emphasis on the stadial continuity.

As authors conclude, the social consciousness of each historical epoch sifts through the available set of worldview images, forming the state-legal structure peculiar to the epoch.

Key words: State and Law history; the Ancient state; temple-state; polis-state; state and law of the Ancient Greece; legal anthropology.

For citation: Romashov, R.A., Kovalev, V.A. (2021). Ponimanie gosudarstva v politicheskikh ucheniyah Drevnego mira: ot kul'tury hrama k kul'ture polisa [Idea of the State in political thoughts of the Ancient World: culture evolution from the temple to the polis]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (66). pp. 70–85. DOI 10.35231/18136230_2021_4_70 (In Russian).

Введение

Познание как процесс получения знаний об окружающей человека реальности (ирреальности) жизненного бытия является функциональным, определяемым перспективной целью и конструктивными задачами, решаемыми в ходе достижения цели. Цель познания задается объектом – субъективным представлением, умозрительной конструкцией, воплощающей в себе идеальный образ исследуемого явления, стремление к осознанному, оценочному восприятию которого задает направленность познавательной деятельности субъекта. Объект познания в силу своего названия, категория объективная. Объект существует независимо от того,

* The article was prepared with the support of RFBR grant No. 20-011-00794 A "State-legal systems of the modern world".

познается он субъектом или нет, сам факт возникновения и динамического состояния объекта не зависит от воли субъекта. Вместе с тем формируемый в индивидуальном (коллективном) сознании образ объекта – понятие субъективное, отражающее лишь *одну из* субъективных точек зрения (позиций) представления объекта.

Универсальным объектом познания является мир (природа и культура, в совокупности образующие среду человеческого бытия), образ которого задается трехмерным социо-пространственно-временным континуумом, в котором человек/общество является единственной дискретной категорией, на определенном моменте выделяющейся из «всеенского ничто» и когда-то неизбежно в «ничто» трансформирующейся.

Появление человека и наделение его «потенцией разума» влечет появление мыслительной деятельности, «привязанной» к трем неразрывно связанным, детерминированным логикой познания параметрам: *социальному* – человек познает мир, частью которого он является; *пространственному* – человек познает мир посредством его ограничения физическими параметрами (расстояниями, весами, усилиями и т. п.); *временному/хронологическому* – человек познает мир путем определения временных (прошлое – «до»; настоящее – «сейчас»; будущее – «потом») рамок познаваемых явлений. При этом объективность познаваемого мира предопределяет бесконечность пространства и времени, а следовательно, изначальную субъективность, стало быть, относительность любых измерительных параметров, привязанных исключительно к субъектам познания.

Генезис познания государства носит циклический характер. В рамках каждого цикла складывается собственное представление о сущности государства как специфической форме цивилизационной культуры. По нашему мнению можно выделить следующие историко-культурологические циклы: культура храмового государства); культура полисного государства; культура патримониально-теософского государства; культура светского государства).

В рамках данной статьи будут рассмотрены особенности формирования и функционирования государств в условиях циклов храмовой и полисной культуры.

Храмовое государство: мифология, ортопраксия и власть Судьи

Культура храмового государства основывается на представлении о государстве как форме социальной организации и власти, основанном на ассоциативном ряде, заданном «храмовым контекстом». Концепция изначальной формы государства как храмового комплекса получила широкое развитие как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Из российских авторов следует выделить, в первую очередь, И.М. Дьяконова, продемонстрировавшего роль храмов не только как аппарата организации ирригационной деятельности, но и как символических, структурирующих общину центров [17]. Аналогичные выводы в отношении городов Мезоамерики сделал В.И. Гуляев, рассматривавший майянские храмовые городские комплексы как «политико-административный, культурный и хозяйственный центр тяготеющей к нему округи» [13, с. 22]. Их идеи во многом были основаны на работах знаменитого американского антрополога Клиффорда Гирца. В своей «Интерпретации культур» он представил взгляд на традиционную организацию религии на Бали как строящуюся на системе храмов, к которым тяготеют сельские общины и с которыми идентифицируют себя их прихожане. Храмы играют ключевую роль в структурировании мира и формировании иерархии через дифференциацию пространства. Кроме того, традиционная религия с помощью мифоритуальных средств формирует представление об освященности социального неравенства [2, р. 173]. Аналогичные процессы он отмечал также в отношении Месопотамии, Древнего Египта, Индии и других примеров организации ранних городов-государств.

Храм как основу формирования ранних форм государства и права отмечают историки экономики. Храмовые хозяйства первыми стали использовать деньги [5, р. 101] (сначала для внутренних операций, затем и для внешних расчетов), сформировали процентную ставку по кредиту и, соответственно, первые формы кредитных договоров [3, р. 54]. Таким образом, храм становился и местом, где формировалась первая в истории форма чиновничества – храмовая бюрократия [4, р. 15].

Тем не менее, с нашей точки зрения, более важна роль храма в формировании познания права и государства. Мировоззрение (в том числе и взгляд на государственно-правовую систему) храмовой эпохи основано на мифо-ритуальном подходе к наблюдаемым феноменам и, соответственно, характеризуется двумя важнейшими составляющими – телеологичностью, антиисторичностью, монистичностью и орто-праксией.

Телеологичность, существующая на уровне интеллектуальной интерпретации мифологии жрецами (и в некоторых случаях околорелигиозными песнопевцами), понимается как осмысление мира с позиции ответа на вопрос о цели существования. Объекты в мифологическом сознании существуют не «по причине», а «для цели». В известной степени, можно утверждать, что в таком миропонимании храм (и совпадающее с ним государство) становится целью существования человеческого общества, при этом целью вечной и неизменной, охватывающей весь мир. Разумеется, на определенном этапе развития мифологического сознания телеологичность и антиисторичность становятся в большей степени риторическими, чем мировоззренческими истинами, тем не менее, истинность такого подхода не отрицается [11].

Наконец, анализируя онтологию власти в храмовом государстве с позиций «четырех чистых типов власти», предложенных Александром Кожевом [18, с. 38] (Отца, Судьи, Господина и Вождя), надо признать, что храмовому мировоззрению в наибольшей степени соответствует власть Судьи как вневременная, т. е. антиисторическая (согласно подходу Кожева, с позиций темпоральности власть Отца принадлежит прошлому, власть Господина – настоящему, власть Вождя – будущему и власть Судьи – вечности). Это соответствует и некоторым историческим проявлениям власти этой эпохи. Достаточно вспомнить, что понятие *iuris dictio*, характеризовавшее власть римских царей на начальном этапе римской истории, относилось не к законотворчеству, а именно к судебным действиям («говорить, что есть закон») [14, с. 36]. Особую роль в правосудии царей подчеркивает и текст на обелиске Хамураппи, да и Ветхий Завет в качестве изначальной формы власти после расселения евреев в Палестине указывает именно власть Судей Израилевых.

Храмовое государство: телеология и структура пространства

Антиисторичность храмового сознания проявляет себя также и в понимании справедливости как статичного состояния мира, в котором нарушение правильного порядка вещей становится нарушением справедливости. Соответственно, функцией государства и власти становится поддержание неизмененного правильного порядка вещей. Показательно, в частности, что египетские и шумерские термины «маат» и «ме», часто переводимые как «истина», «справедливость», также обозначают «правильный ритуал», «правильный порядок вещей» и т. д. [9; 15, с. 34]

Отсюда популярность принципа талиона как способа восстановления состояния мира.

При этом на обыденном уровне ключевым моментом становится орто-праксия [2, р. 174], т. е. приоритет ритуально правильных действий над их правильным (с точки зрения общепринятой в этом обществе и освящаемой религиозно-мифологическим порядком модели) пониманием. В этом смысле декларируемые властью правовые нормы становятся именно воплощением «правильного делания», т. е. фиксацией существующих практик и констатацией их правильности.

Безусловно, проблемой сознания храмовой эпохи становится наличие разрыва между миром сакрального (антиисторичного, мифологического, монистического, телеологического) и наблюдаемым реальным миром, с его изменчивостью, нарушением «правильных» практик и множественностью. В этой ситуации храм играет роль «небожественного сакрального», занимая промежуточное положение между священным небесным и преходящим земным миром, находящимся в состоянии *sacrus*, т. е. того, что, с одной стороны, разделяет *sacer* и *profanum*, а с другой стороны, создает возможность связи между ними [16, с. 42]. Знаменитый религиовед Мирча Элиаде отмечал, что в мифологических религиозных системах правитель играет роль узловой точки, связующего звена между небесным и человеческим миром, причем занимает эту точку в ходе определенного ритуала, совершаемого в определенной точке пространства [25, с. 49]. В таком понимании храм – это портал, в котором происходит связь человеческой и божественной сущности. Находиться в пределах портала может только властитель – живое воплощение бога и жрецы, обеспечивающие взаимодействие «божественного и земного». Субъектами познания являются жрецы, знания, получаемые в ходе познавательного процесса, носят сакральный (сверхъестественный) характер, их инструментальное предназначение заключается в обосновании неизменности, «божественной предопределенности» власти «земного» правителя и легитимности «корпоративной элитарности» жреческого корпуса. Что касается «простого люда» – рабов храма, то их удел сводится к бесправному служению как самому государству – храму, так и его представителям – властителю и жрецам.

Соответствующим образом происходит и стратификация мира. Выделяется храм как центр власти и религии, являющийся *sacer* – сакральным, «своя» земля, место обитания народа, поклоняющегося храму и

подчиняющегося власти – *sanctus*, освященное и внешний, профанный мир, предстающий как объект потенциального завоевания. Показательно, что подобное деление достаточно долго существовало, например в римском праве, выделяющем вещи *divini iuris* – божественного права, храмы, прежде всего храм Юпитера Капитолийского, земли квиритского права – *ius civile* – исторические земли центральной Италии, принадлежавшие римской общине с древнейших времен и в отношении которых действовал режим квиритской собственности и земли *ius gentium*, в отношении которых классическое регулирование собственности не действовало, и формально они принадлежали коллективу римлян, но не конкретному собственнику (хотя на практике в эпоху империи различие между формальной арендой этих земель и гражданской собственностью оставалось сугубо умозрительным).

Полис: гражданство и ранний государственный проект

Культура полисного государства связана с явлением полиса – города, государства, гражданской общины. Вне всяких сомнений, переход от храмового государства к полисному не был одномоментным событием (не было такой точки в истории, когда люди легли спать в храмовом государстве, а проснулись уже в полисном). Подобная жесткая дихотомия совершенно невозможна в сфере истории идей, в том числе и государственно-правовых. Как уже было показано выше, элементы храмового мировоззрения вполне соседствовали с полисным даже на позднем этапе его развития.

Тот факт, что сообщество граждан как носителей коллективной свободы предопределяет уникальность выделенного типа социально-политической культуры, привел на рубеже 1980–90-х гг. в зарубежной, а затем и в отечественной историографии к постановке вопроса: «был ли полис государством»? Справедливо отмечалось, например израильским антиковедом Майклом Бернеттом, отсутствие многих характерных для современного определения государства черт – постоянной армии и, за редким исключением, полицейских сил (отряд из 300 скифов, среди которых зачастую были не только скифские рабы, но и свободные афиняне, работавшие за плату, был, все же, исключением), постоянных налогов (скорее, напротив, граждане имели право на получение денег или товаров из государственной казны, мыслившейся как коллективная собственность), бюрократического аппарата [10, с. 250]. Элементы публичной власти можно

было усмотреть в Афинах эпохи расцвета – появление постоянной наемной армии, оплачиваемых государственных должностей, превращение фороса в вид налога с членов Афинского морского союза, начало правотворчества, превосходящего фиксацию обычного права. Тем не менее, поражение Афин во второй Пелопонесской войне трактуется как завершение «раннегосударственного проекта» в древнегреческом мире.

Аналогичным образом многими антиковедами и специалистами по политической истории интерпретируется и раннеримское общество. Так, например, Е.М. Штаерман, исходя из марксистской интерпретации государства, рассматривала период его появления в Древнем Риме не ранее начала эпохи принципата, позиционируя предыдущий период как безгосударственную гражданскую общину – *civitas* – в которой отсутствовал аппарат принуждения, отчужденный от общества.

О.В. Хархордин, основываясь прежде всего на лингвистическом анализе, смог продемонстрировать, что наша интерпретация термина *res publica* основана, скорее, на современной интуиции государства, в то время как для современников было характерно буквальное прочтение слова *res* как: «вещь», «объект собственности». Таким образом, нормальным состоянием римской общины была ситуация, когда сообщество римских граждан (*civitas*) контролирует и получает выгоду от общинной собственности (*res publica*, понимаемая Цицероном как *rei populi*) [22; 23].

Тем не менее, следует подчеркнуть, что современниками полития или республика понимались исходя не из аппарата принуждения, а из аристотелевской концепции «благой жизни» граждан как цели политики. В этом смысле можно, вслед за У. Рансимэном, определить полис как «гражданское государство» [7, р. 264].

Ключевым понятием такого государства становится статус гражданина, который, являясь первичным основанием, производными от которого выступают личная свобода и достоинство, дает право на участие в политической жизни, выраженной в непосредственной и представительной демократии, право на собственность и др. Соответственно, утрата гражданства влечет «поражение» в правах и свободах, обладание которыми детерминировано статусом гражданина полиса.

В этом смысле особо показательно деление граждан в Древнем Риме на *sui iuris* и *alieni iuris*, т. е. находящихся в «своем» и «чужом» праве. Только нахождение в «своем праве», т. е. сумма трех статусов – свобод-

ного, гражданина, и главы семьи – давало полноту всех личных, имущественных и политических прав. «Полное» гражданство в собственном правовом смысле является достоянием только взрослых мужчин, состоявших в военном ополчении и с оружием в руках защищавших интересы полиса. Несовершеннолетние юноши, девушки и женщины, являясь «де юре» свободными гражданами, вместе с тем обладали, говоря современным языком, частичной правоспособностью и были лишены ряда политических и экономических прав. Понимание гражданской свободы противопоставляется в полисе как рабству, так и «несвободе» – безгражданству. Причем если рабы в принципе не рассматривались в качестве людей, воспринимаясь как «говорящие орудия», то иностранцы и люди, лишённые гражданства (метеки в Афинах, периэки в Спарте, Прискиевы латины в Риме), не являясь рабами, вместе с тем не были в правовом отношении равны свободным гражданам и не могли принимать участие в политической жизни. Именно в полисе возникает градация между такими понятиями, как труд и работа.

При этом монолитность гражданской общины вовсе не исключала иерархическое деление внутри нее, что проявлялось в системе классов в Афинах или цензовой системе в Риме. Как показал Пьер Видаль-Накэ, афинская полиция была сообществом именно взрослых вооруженных мужчин, которое противостояло как рабам и негражданам, так и женщинам, ремесленникам и юношам-эфебам, т. е. полиция была также и «гоплитией» [12, с. 60]. Обладая равными правами, граждане, в зависимости от своего имущественного положения, и, как следствие, разной степени участия в общественной жизни и распоряжения общественной собственностью, могли реализовывать свои права с разной степенью интенсивности (например, занимать определенные государственные должности), одновременно неся расходы на общественные нужды. Показательно, что распад классической полисной модели связывается с переходом от организации армии, в которой каждый воин приходил со своим, соответствующим классу или разряду, оружием к стандартизации вооружения и выдаче его за государственный счет. Это способствовало росту численности армии, но разрушало систему связи статуса и интенсивности реализации права, а также создавало основу для формирования частных армий (например, реформы Перикла в Афинах или Гая Мария в Риме) [1].

Работа – удел рабов, деятельность которых не является творческой, осуществляется под воздействием принуждения, предполагает внешний контроль и применение мер негативного воздействия, предусмотренных за невыполнение либо нарушение установленных «свыше» правил рабочего распорядка.

Труд – привилегия свободных граждан, которые вправе выбирать вид и форму трудовой занятости, а также самостоятельно определять ее сроки и конечные результаты. Видами свободного труда являются: военная деятельность, осуществляемая с целью вооруженной защиты полиса, занятие спортом и творчеством, одной из разновидностей которого является философия – выраженная в различных направлениях и течениях «любовь к мудрости». Следует подчеркнуть, что античная философия не является наукой в современном смысле этого понятия. У философов нет формального образования, ученых степеней и званий, отсутствуют научные специальности, обладающие выделенными предметом и методологией, нет специализированных учреждений, занимающихся образовательной и научной деятельностью. Вместе с тем существуют античные философские школы, подобные Платоновской академии, по образцу и подобию которых создаются и функционируют научные школы, в том числе и в наши дни. Суть этих школ заключается в наличии основателя того или иного направления познания, его учеников и учеников учеников. Главное, что отличает античную философскую школу – это наличие общей для различных поколений философов познавательной традиции, выступающей в качестве контекстуальной связующей между различными поколениями исследователей.

Полис: изоморфное пространство, причинность и власть Отца

Немаловажным с точки зрения развития преломления образа государства в общественном сознании является переход к идее изоморфного пространства. На раннем этапе развития полисной культуры доминировали представления о пространстве, близкие к аналогичным образам храмовой эпохи — оно мыслилось как структурированное и негомогенное. Так, например, учение пифагорейцев четко выделяет в пространстве дихотомии верх-низ, правое-левое и соответствующие им доброе-злое, мужское-женское и т. д. Тем не менее, уже в позднем пифагорействе Филолая и диалоге Платона «Тимей» пространство предстает как гомогенное и изоморфное (используется образ шара) [12, с. 36]. В свою очередь,

это вело к отказу от деления пространства на «свое» и «чужое». Полис превращался из точки в физическом пространстве в точку в пространстве социальном, которая могла свободно перемещаться в физическом мире. Он существовал там, где существовала гражданская община мужчин-воинов – своеобразная «странствующая республика» [6, р. 207], описанная в «Анабасисе» Ксенофонта и воплотившаяся в армии-государстве Александра Македонского.

Философия сыграла важнейшую роль в перестройке мировоззрения (по крайней мере, в интеллектуальной среде полисного общества) по отношению к пониманию государства, его роли и места в мире. Прежде всего в античной натурфилософии проявляется переход от телеологического сознания храмовой эпохи к айтиологическому [24] поиску первопричины. Поиск первопричины античными мыслителями ведет к развитию двух других важных для формирования образа государства в полисном сознании направлений. Во-первых, это историчность. Наличие причины и следствия неизбежно предполагает наличие процесса, связывающего их, т. е. исторического процесса. Таким образом, государство существует не столько для какой-то цели, сколько по какой-то причине его существование становится объективным и predetermined историческим процессом. Историчность сознания породила характерный для античной мысли фатализм [19, с. 93].

Одновременно поиск первопричины физического мира обозначил переход от монизма к плюрализму, найдя высшее воплощение в ультраплюрализме Демокрита из Абдер, который считал, что каждому объекту соответствует первооснова [23, с. 43]. В политическом смысле сочетание историзма и плюрализма приводило к признанию многообразия государственных форм и оценки их с позиций консеквенциализма, что особенно ярко проявилось в идеях, приписываемых софистам Горгию и Калликлу [23, с. 59–62]. С позиций консеквенциалистской этики функцией государства становилось не поддержание некоего идеального общественного порядка, орто-праксии (что невозможно, поскольку формы такого порядка историчны и плюралистичны), но обеспечение наибольшего «общественного блага», «благой жизни» полиса, что становится идеальной функцией полиса как гражданского государства, согласно Аристотелю.

Тем не менее, с появлением школ эпикурейцев, и особенно стоиков, основой моральной философии становится «этика добродетели» или

аретология, противостоящая как деонтологической морали, характерной для храмового сознания, так и консеквенциализму софистов и натур-философов. В рамках такого подхода тесная связь морального кодекса и права, по сути, отождествляющая нормы морали и закона, характерная для деонтологии храмового сознания (классическим примером здесь служат нормы Пятикнижия Моисеева), заменяется концепцией справедливости, в которой закон вполне может не соответствовать справедливости. Так, Цицерон в «О законах» обосновывает как логически, так и примерами различие между *aequitas* (справедливостью) и *lex* (позитивным законом) (О законах, кн. I, XV (42)) [20]. Таким образом, можно утверждать, что в рамках полисного сознания происходит выделение абстракций права как воплощения добродетели справедливости и права как комплекса реально существующих норм и правил, подкрепленных авторитетом власти. Сочетание деонтологии, аретологии и консеквенциализма привело к пониманию преступления, близкому к современному, в котором имеют значение нарушение формальной нормы (деонтология), злые намерения (аретология) и преступные последствия (консеквенциализм).

Если обратиться к идеальным моделям Кожева, то стремление к поиску причины, т. е. обращенность к прошлому, позволяет утверждать, что для античной мысли идеальным типом власти является власть Отца. Это ярко проявляется в «Политике» Аристотеля, который как раз рассматривает семью (и, соответственно, отцовскую власть) как первопричину государства (Политика, кн. I, 6) [8].

В отношении формирования политического пространства плюрализм полисного сознания вел к признанию возможности существования альтернативных «разумных миров» – ойкумен. За пределами ойкумены располагался «мир варваров». Такая схема мироустройства отражала характерное для полисного сознания деление античного сообщества на свободных граждан – и свободных «чужих» (иностранцев, варваров) – рабов.

Заключение

Сравнение двух циклов развития государственной идеи в начале ее становления показывает как наличие сходных черт, свидетельствующих об эволюционной связи двух форм, так и различий, свидетельствующих об их самостоятельности. При этом взаимопроникновение основных эле-

ментов структуры мировоззрения, таких как восприятие пространства, чистого типа власти, причинности и целеполагания, монизма или плюрализма мира показывает, что сознание отсеивало идеи, соответствующие конкретному историческому моменту и потребностям общества на конкретном этапе исторического развития. Работая своеобразным ситом идей, социальная структура и общественная культура формировали образы сознания, наполнявшие смыслом понятия права и государства.

Список литературы

1. Gabba E. Republican Rome, the Army and the Allies. San-Francisco: University of California Press, Berkeley CA, 1976. 281 p.
2. Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.
3. Graeber D. Debt: The First 5000 Years. New York: Melville House, 2012. 544 p.
4. Grierson P. The Origins of Money. London: Athlone Press. 1977. 44 p.
5. Hudson M. The archeology of money: debt vs. barter theories of money // Credit and State Theories of Money. Cheltenham: Edward Elgar Press, 2004. 288 p.
6. Pritchett W.K. The Greek State at War. In 5 vols. Vol II. Berkley, Los Angeles. 1975. 326 p
7. Runciman W. G. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead End // The Greek City from Homer to Alexander / ed. by O. Murray, S.F.R. Price. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1990. 372 p.
8. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. IV / пер. и общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.
9. Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М.: Присцельс, 1999. 369 с.
10. Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 235–258.
11. Вен П. Греки и мифология: Опыт о конституирующем воображении. М.: Искусство, 2003.
12. Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.: Ладомир, 2001. 419 с.
13. Гуляев В. И. Города-государства древних майя // Древние города: Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана» / отв. ред. В. М. Массон. Л., 1977.
14. Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Норма, 2015. 576 с.
15. Емельянов В.В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.: Азбука-Классика, 2003. 320 с.
16. Зенкин С.Н. Небожественное сакральное: теория и художественная практика. М.: Изд-во РГГУ, 2012. 546 с.
17. История Древнего Востока: в 3 т. / под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Неровной, И.Д. Свенцицкой. Том I: Ранняя древность / отв. ред. И.М. Дьяконов. М.: Наука, 1989.

18. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.
19. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. 366 с.
20. Марк Туллий Цицерон. Диалоги / пер. В.О. Горенштейна / науч. ред. И.Н. Веселовский, В.О. Горенштейн и С.Л. Утченко. М.: Ладомир; Наука, 1994. 223 с.
21. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. Т. I: Античность. СПб.: Петрополис, 1997. 336 с.
22. Хархордин О.В. Почему *res publica* – не государство: грамматика стоиков и дискурсивные практики Цицерона в его теории республики // Современная республиканская теория свободы / под ред. Е. Рощина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 137–180.
23. Хархордин О.В. Республика или Дело публики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 162 с.
24. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
25. Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. Том I: от каменного века до Элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002. 464 с.

References

1. Gabba, E. (1976). *Republican Rome, the Army and the Allies*. San-Francisco: University of California Press, Berkeley CA. 281 p.
2. Geertz, C. (1973). *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.
3. Graeber, D. (2012). *Debt: The First 5000 Years*. New York: Melville House. 544 p.
4. Grierson, P. (1977). *The Origins of Money*. London: Athlone Press. 44 p.
5. Hudson, M. (2004). *The archeology of money: debt vs. barter theories of money. Credit and State Theories of Money*. Cheltenham: Edward Elgar Press. 288 p.
6. Pritchett, W.K. (1975). *The Greek State at War*. In 5 vols. Vol II. Berkley, Los Angeles. 326 p.
7. Runciman, W.G. (1990). *Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead End. The Greek City from Homer to Alexander*. ed. by O. Murray, S.F.R. Price. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press. 372 p.
8. Aristotel'. *Sochineniya [Aristotle. Works]*. (1983). V 4 t. T. IV. *Perevod i obshch. red. A. I. Dovatura*. Moscow: Mysl'. 830 p. (In Russian)
9. Assman, YA. (1999). *Egipet: teologiya i blagochestie rannej civilizacii [Egypt: theology and piety of early civilization]*. Moscow: Priscel's. 369 p. (In Russian)
10. Berent, M. (2000). *Bezgosudartvennyj polis: rannee gosudarstvo i drevnegrecheskoe obshchestvo [Stateless policy: early state and ancient Greek society]*. *Al'ternativnye puti k civilizacii - Alternative paths to civilization*. Moscow: Logos. pp. 235–258. (In Russian)
11. Ven, P. (2003). *Greki i mifologiya: Opyt o konstituiruyushchem voobrazhenii [Greeks and mythology: Experience about the constitutive imagination]*. Moscow: Izdatel'skij dom Iskusstvo. (In Russian)
12. Vidal'-Nake, P. (2001). *CHernyj ohotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire [Black hunter. Forms of thinking and forms of society in the Greek world]*. Moscow: Ladomir. 419 p. (In Russian)

13. Gulyaev, V.I. (1977). Goroda-gosudarstva drevnih majya [Cities-states of the ancient Maya]. Drevnie goroda [Ancient cities]. Materialy k Vsesoyuznoj konferencii «Kul'tura Srednej Azii i Kazahstana». Leningrad. (In Russian)
14. Dozhdev, D.V. (2015). Rimskoe chastnoe parvo [Roman private law]. Moscow: Norma. 576 p. (In Russian)
15. Emel'yanov, V.V. (2003). Ritual v Drevnej Mesopotamii [Ritual in Ancient Mesopotamia]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika. 320 p. (In Russian)
16. Zenkin, S.N. (2012). Nebozhestvennoe sakral'noe: teoriya i hudozhestvennaya praktika [Non-artistic sacred: theory and artistic practice]. Moscow: Izd-vo RGGU. 546 p. (In Russian)
17. Istoriya Drevnego Vostoka [History of the Ancient East]. (1989). V 3-h tomah / pod red. I.M. D'yakonova, V.D. Nerovnoj, I.D. Svencickoj. Tom I: Rannyyaya drevnost' / otv. red. I.M. D'yakov. Moscow: Nauka. (In Russian)
18. Kozhev, A. (2006). Ponyatie vlasti [The concept of power]. Moscow: Praksis. 192 p. (In Russian)
19. Losev, A.F. (1988). Derzanie duha [Daring of spirit]. Moscow: Politizdat. 366 p. (In Russian)
20. Ciceron, M.T. (1994). Dialogi [Dialogues]. perevod V.O. Gorenshtejna, nauch. red. I.N. Veselovskij, V.O. Gorenshtejn i S.L. Utchenko. Moscow: Ladimir, Nauka. 223 p. (In Russian)
21. Reale, Dzh., Antiseri, D. (1997). Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei [Western philosophy from its origins to the present day]. V 4 tomah. T. I: Antichnost'. St. Petersburg: TOO TK «Petropolis». 336 p. (In Russian)
22. Harhordin, O.V. (2015). Pochemu res publica – ne gosudarstvo: grammatika stoikov i diskursivnye praktiki Cicerona v ego teorii respubliki [Why res publica is not a state: the grammar of the Stoics and the discursive practices of Cicero in his theory of the republic]. Sovremennaya respublikanskaya teoriya svobody [Modern republican theory of freedom]. pod red. E. Roshchina. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. pp. 137–180. (In Russian)
23. Harhordin, O.V. (2020). Respublika ili Delo publiki [Republic or Public Affairs]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 162 p. (In Russian)
24. Hyubner, K. (1996). Istina mifa [Truth of myth]. Moscow: Respublika. 448 p. (In Russian)
25. Eliade, M. (2002). Istoriya very i religioznyh idej [History of faith and religious ideas]. Tom I: ot kamennogo veka do Elevsinskih misterij. Moscow: Kriterion. 464 p. (In Russian)

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Ковалев Виктор Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: onuphriyphd@gmail.com

About the authors

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, head of theory and history of the state department of Law faculty, Pushkin Leningrad State University, Meritorious Scientist of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Victor A. Kovalev, Cand. Sci. (Hist.), assistant professor of Legal theory and law enforcement activities department of Law faculty, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: onuphriyphd@gmail.com

Поступила в редакцию: 15.11.2021

Received: 15 November 2021

Принята к публикации: 25.11.2021

Accepted: 25 November 2021

Опубликована: 20.12.2021

Published: 20 December 2021